

Излученко Татьяна Владимировна

кандидат философских наук,
доцент кафедры философии
Сибирского федерального университета

**РЕЛИГИОЗНЫЕ
ЭКСТРЕМИСТСКИЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ
КАК СОЦИАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ:
СТРУКТУРА И ОСОБЕННОСТИ
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ**

Аннотация:

В работе обосновывается продуктивность рассмотрения религиозного экстремизма, существующего в форме организованной совместной деятельности, в качестве социальных систем, которые обладают структурой и механизмами социального контроля. Методология исследования опирается на структурно-функциональный подход Т. Парсонса. Отмечается трансформация религиозной традиции и мифологизация ее отдельных элементов в социально-философские и богословские положения религиозного экстремизма. Отмечается специфика культуры, включающая систему ритуальных действий, обоснование места человека в этом и ином мирах, его «священную» миссию в рамках определенной социальной системы. Участники и само экстремистское объединение выступают акторами социальных отношений, ориентированными на коммуникацию в ситуациях социальной реальности. Религиозные экстремистские объединения стремятся к устойчивому развитию и поддержанию целостности. Они конструируют взаимосвязи между участниками, позволяющие создавать подсистемы для решения некоторых задач. Охарактеризованы социальные, психологические и когнитивные условия вовлечения в экстремистское объединение и функционирования индивида в нем.

Ключевые слова:

религиозный экстремизм, социальная система, Т. Парсонс, социальное действие, экстремистское объединение, традиция, мифологизация, радикализм.

Izluchenko Tatyana Vladimirovna

PhD, Associate Professor,
Philosophy Department,
Siberian Federal University

**RELIGIOUS
EXTREMIST ASSOCIATIONS
AS SOCIAL SYSTEMS:
STRUCTURE AND FUNCTIONING
FEATURES**

Summary:

It is effective to consider the religious extremism functioning in the form of the arranged joint activities as social systems that have the structure and mechanisms of social control. The research methods are based on the structural and functional approach of T. Parsons. The study notes that the religious tradition is transformed and its separate elements are mythologized into the theological, social and philosophical concepts of religious extremism. The author reveals the specific nature of culture including the system of ritual actions, substantiates the place of a person in this and other worlds and his sacred mission within a social system. The extremist association and people involved in it serve the actors of social relations focused on communication in situations of social reality. Religious extremist associations strive for the sustainable development and the integrity. They construct the relationships between the participants that allow one to create subsystems for addressing some challenges. The social, psychological and cognitive conditions of involvement in an extremist association and functioning of the individual in it are described.

Keywords:

religious extremism, social system, T. Parsons, social action, extremist association, tradition, mythologization, radicalism.

В современных условиях глобализации, трансформации традиционных культурных ценностей в социальной сфере возникают разнообразные формы взаимоотношений. Объединения создаются на основе эклектичных идей, в том числе религиозной тематики, и противопоставлении своих участников иным людям. Нередко их деятельность становится радикальной в стремлении реализоваться в социально-политической области или измениться в соответствии с условиями внешней среды. Это воспринимается неоднозначно как со стороны общественности, так и государства и трактуется в качестве радикализма и экстремизма. Однако данные объединения являются субъектами социальных отношений и требуют соответствующих подходов исследования. Функционирование экстремистских объединений основывается на непринятии альтернативных подходов в решении социальных, политических и экономических проблем. При наличии религиозного фактора деятельности придается статус выполнения священной миссии. Такие объединения нередко признаются государством религиозными экстремистскими организациями.

Противодействие экстремизму представлено различными мерами от профилактических до пресечения деятельности. В этом случае исследования сводятся к обозначению характеристик и возможных последствий для общественной безопасности. На наш взгляд, рассмотрение экстремистского религиозного объединения как социальной системы, состоящей из взаимосвязанных участников и структурированной соответствующим образом, и признание ее статуса актора

позволит делать более объективными социальные прогнозы и, как следствие, обеспечивать адекватность управленческих действий. Целью нашей работы является обосновать функционирование религиозных экстремистов в качестве социальных систем. В основе методологии находится структурно-функциональный подход Т. Парсонса, его трактовка социальной системы и социального действия [1].

Социальные системы обладают целостностью, структурой, определяющей модель поведения участников, и иерархичностью, позволяющей создавать подсистемы. При самодостаточности и восстанавливаемости они организуют отношения с окружением: социальной реальностью, культурой, личностями, иными социальными субъектами и окружающей средой. Поведение систем как социальных организмов демонстрируется в накоплении и передаче информации, управлении и самоорганизации, что поддерживается механизмами социального контроля (поддержка, допустимость и ограничение во взаимности). Социальные системы состоят из акторов как социальных единиц, направленных на коммуникативное общение с другими, актов, осуществляемых акторами в ситуациях, и положений акторов (статус-роли). Они имеют биологические характеристики (пол, возраст, интеллект), пространственное и временное размещение [2, с. 171–172].

Функциональная дифференциация заключается в разделении выполняемых действий (статус-роль) на технические (производственный процесс), политические (принятие решений) и административные (распределение и контроль над доходами). Под ролью понимается организационный сектор ориентаций, который конструирует и определяет участие индивида во взаимоотношениях, а также совокупность взаимно соотношенных ожиданий между участниками, соответствующих эталону действий. От конкретного человека ожидают выполнения определенных действий, для решения задач допускаются отклонения от образца. Социальные системы обладают функциями и механизмами распределения льгот, применения наказаний и вознаграждений. Участники выступают коммуникативно-ориентированными акторами, действующими согласованно в определенной ситуации [3, с. 453–461].

Каждый индивид действует в повседневности, опираясь на систему координат действий, созданную на основе коллективных представлений. Личностный выбор определяется самой системой, ее структурой и распределением ролей, но данная обусловленность остается неосознанной. Социальная система не мешает участникам создавать индивидуальный смысл [4, с. 47] коллективных представлений, положений социально-философской концепции. Как отмечено М. Миссимером, К. Робером, Г. Броманом, в устойчивой социальной системе участники не ограничены в смысловом творчестве, компетентности, влиянии, беспристрастности и здоровье [5]. Индивид бессознательно подчиняется социальной системе, которая воздействует на него посредством манипуляции знаками и символами, образами, скрытыми в культуре. Однако ощущает себя свободным в принятии решений и деятельности, т. е. участие в конкретной социальной группе понимается индивидуальным решением.

В свою очередь система предоставляет индивиду удовлетворение его потребностей в доверии и надежности, выполнении определенных функций, свидетельствующих о его значимости, в развитии (обучении) и самоорганизации. Это необходимо для физического, эмоционального и умственного состояния, поддержания компетентности и создания подгрупп для решения конкретных задач. Мотивация есть ориентация человека на улучшение баланса между удовлетворением и неудовлетворением потребностей. Это регламентируется распределением внутри системы благ, состоящих из льгот, уважения, одобрения и престижа согласно достижениям и кровнородственным связям. До тех пор пока система сохраняет стабильность в рамках определенной аксиологической и онтологической полярностей, участники будут обеспечивать ее устойчивое развитие, в том числе и при изменяющихся внешних условиях. Механизмы социального контроля работают не на уничтожение, а на ограничение и предотвращение последствий индивидуальных действий.

При этом данные действия социальной системы можно отнести к когнитивным процессам. М. Ленартович, Д. Вайнбаум и П. Братхен выявили черты социальных систем как когнитивных агентов, главное свойство которых – возможность познавательного развития, индивидуализация. Под социальными системами понимаются сложные последовательности вхождений связей, которые, будучи консолидированными в той или иной степени посредством развития локальных и условных взаимодействий, проявляют адаптивную динамику [6, с. 16]. Любая относительно стабильная форма социальной активности может пониматься социальной системой, делающей выбор в получаемой и передаваемой информации, в высказываниях и в выражениях своих идей, в понимании и трактовке реальности, создающей индивидуальное коммуникативное событие. Показателем адаптивности является востребованность системы в сложных ситуациях посредством способности поглощать отклонения и реорганизовываться в условиях изменений при сохранении функций, структуры, идентичности и обратной связи, а также ликвидации основных механизмов деградации сущностных аспектов. Ю. Никитина выделяет два вида адаптивных систем. Первые – самоадаптивные, которые приспосабливаются без корректировки структуры. Вторые – самоорганизующи-

еся, посредством структурной трансформации. При этом каждый участник является носителем информации обо всей системе: целях функционирования, моделях взаимоотношений и механизмах деятельности [7, с. 438].

В основе восприятия «естественности» общественного порядка участников социальной системы М. Каруи, А. Дудезерт и Д. Лейднер подчеркнули роль символического капитала, создаваемого в процессе развития системы и переработки культурных, экономических и социальных материалов. Символический капитал содержит знания об аксиологических, этических и онтологических позициях, признаваемых законными, а также легитимизирует существующее руководство. Символы обладают не только материальной формой. Коммуникативные события также символичны, объединены в общую символическую систему – культуру. По причине восприятия нормальным существующего порядка и иерархичности посредством символического капитала возможны изменения социального статуса участников и манипулирование социальными связями [8]. При этом плотность социальных связей обеспечивается сетевым контролем и является пропорциональной уровню доверия, что позволяет осуществлять коммуникацию с представителями иных социальных групп [9].

Социальное пространство представляет собой бытие социальных систем в рамках субъект-объектных отношений. Каждая социальная система выступает самостоятельным и самодостаточным организмом, способным конструировать альтернативную реальность, интерпретируя события и процессы в заданных социально-философских рамках, адаптироваться в соответствии с изменяющимися условиями внешней среды, трансформируя структуру или внося новые функции, а также осуществлять взаимодействие с иными участниками в качестве актора. Каждый участник играет определенную роль, обладает функциональным значением либо как автономная структурная единица, либо в рамках подсистемы.

На основе вышесказанного разновидностями социальных систем можно именовать любые относительно устойчивые объединения, обладающие целью, согласованностью деятельности и позиционирующие себя отличными от иных групп. Религиозные экстремистские объединения являются одной из вариаций социальных систем, обладающей уникальностью и характерными чертами.

Характеристику радикальных объединений, в том числе и религиозных, в контексте социальных отношений предлагают различные исследователи. К. Езирская и Д. Поланска продемонстрировали роль радикализма в построении идентичности социальных движений, признаваемых обществом «losers» [10, с. 121]. А. Солеман, Т. Белладж и М. Хелифа разработали интегративную модель исследования с учетом когнитивных, психопатологических и психосоциальных факторов, позволяющую выявлять радикально настроенную личность [11]. Характеристиками религиозного экстремизма являются расширение сферы религиозного права, провозглашение превосходства некоторых людей и отказ от культурных ценностей, трактуемых как нетрадиционные [12]. Указанными работами подтверждается наличие радикально настроенных людей, объединенных на основе тех или иных идей, включая религиозные.

Понятие «экстремизм» обозначает сознательно отделившихся от общества людей, деятельность которых нарушает социальное равновесие, отвергающих культурные нормы и негативно относящихся к представителям иных взглядов. При этом события, относящиеся к первым векам религии, могут использоваться для обоснования исключительности определенного экстремистского объединения. Р. Коэн продемонстрировал это на примере исламской традиции и отметил, что «большинство идеологических и богословских разработок были следствием раскола, а не его мотивом и в далеком будущем способны отразить уникальность этих групп и движений» [13, с. 131]. Н. ван Леувен, исследуя различия фактической веры и религиозных убеждений, указал, что при расширении религиозных установок в жизнедеятельности человек начинает стремиться к экстремизму. Экстремистские идеи ограничены, так как не способны реагировать на рациональные аргументы, и ведут к негативным последствиям в мышлении и поведении носителей [14, с. 712], а также не могут быть полностью реализованы. Однако ложное содержание, не подкрепленное доказательствами, не указывает на порочность отношений. Участники данных объединений, как правило, не осознают степень негативного влияния на себя и на общество, а получают удовлетворение своих потребностей, возможности для самореализации.

Религиозный экстремизм, если отказаться от правового аспекта, наиболее близок в социально-духовном плане к фанатизму. Р. Прус дал определение, подчеркнув эмоциональный фон и моральную нагруженность понятия, выражающую конкретные взгляды аудитории на заметные отличия в поведении некоторых людей. Религиозный экстремизм есть интенсивное чувство идеологического пыла, которое сопровождается высококонцентрированным и устойчивым набором действий, выражающих преданность к конкретным системам убеждений [15, с. 49]. Одно и то же действие может быть интерпретировано как проявление доблести и как совершение преступления. Участники религиозных экстремистских объединений получают личностное развитие и при-

знание, подтверждение своей значимости, участвуя в роли целевых агентов и являясь исполнителями в рамках достижения коллективной цели и своей индивидуальной. Данные объединения для поддержания целостности и обеспечения устойчивости вырабатывают чувство преданности священной сущности, что подразумевает некие поведенческие обязанности. Следовательно, при изучении религиозного экстремизма необходимо выявлять ситуации, идеи, отклоняющиеся от нормы и провоцирующие негативные социальные последствия (девиантность), характеризовать поведение участника в контексте коллективной деятельности (поведение) и указывать его влияние на действия других (власть).

Причины возникновения экстремистских идей в сознании человека исследовательский коллектив во главе с Л. Агнати охарактеризовал посредством концепции ошибочной экспансии. Религиозный экстремизм является извращенным побочным эффектом религиозных убеждений, возникший в результате повторного использования когнитивных структур (ex-aptation) в процессе эволюции уникальных интеллектуальных способностей и приведший к беспорядкам в коллективном сознании. Ошибочная экспансия ведет к возникновению религиозных убеждений, способных к кодификации в этические нормы, а в случаях отклонения от существующей общественной нормы становится экстремизмом [16]. В. Слигерс, Т. Проулкс и И. Бест выявили взаимосвязь нарушения смысла и психологического возбуждения, что приводит к активизации системы поведенческой ингибированности, возникновению тревоги, мотивации к избеганию и повышению бдительности. При этом люди с экстремистскими убеждениями имеют сниженное конфликтное возбуждение, но максимально прилагают усилия для подтверждения своих ценностей в ответ на нарушение смысла [17].

Религиозный экстремизм представляет собой социокультурное явление, трактуемое как общественно опасное на определенной территории, реализующееся в рамках совместной организованной деятельности людей, разделяющих общие религиозные убеждения. Религиозные экстремистские объединения, возникшие в качестве подсистем в широкой группе верующих той или иной религии и утверждающие о наличии истинности вероучения в их версии, в процессе формирования создают собственную социально-философскую концепцию и систему ритуалов. Данные объединения формируются на основе композиционных систем, что позволяет им апеллировать к религиозной традиции. Экстремистская организация «Управленческий центр Свидетелей Иеговы в России» [18] является структурным подразделением международного движения, основанного в рамках протестантской традиции конца XIX в. Участники террористической организации «Исламское государство» [19] позиционируют себя истинными исполнителями Воли Аллаха, хранителями традиции первых мусульман. По причине новизны и активности первых поколений экстремистов у населения возникает представление об их массовости и значимости в социально-политическом плане, что способствует межрелигиозной напряженности.

Религиозные экстремисты, за редким исключением действий отдельных индивидов, обладают организованной формой совместной деятельности. Особенности их функционирования, распределение ролей, иерархичность, стремление к устойчивому развитию и поддержание целостности структуры, а также разработанные механизмы социального контроля над участниками, способы вовлечения в деятельность иных людей позволяют утверждать, что данные объединения являются социальными системами. Совокупность их социально-философских и богословских положений можно считать «хартией», в трактовке Б. Малиновского. Они выполняют функции обычного права и основываются на ретроспективных мифологизированных элементах религиозной традиции [20, с. 96] в частной версии определенного богослова. Социальная система конструирует культуру, отражающую онтологические, аксиологические и этические положения и состоящую из стандартизированных упорядоченных систем значений, объектов ориентации действий. Способы социальных систем интегрировать участников со священным также используются религиозным экстремизмом. Разрабатывается система ритуально правильных действий, указывается место человека в будущем, в ином мире и конструируется взаимодействие со сверхъестественными существами.

Ссылки:

1. Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002.
2. Там же.
3. Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2002.
4. Missimer M., Robèrt K., Broman G. A strategic approach to social sustainability – Part 2: a principle-based definition // *Journal of Cleaner Production*. 2017. Vol. 140, P. 1. P. 42–52. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2016.04.059>.
5. Missimer M., Robèrt K., Broman G. A strategic approach to social sustainability – Part 1: exploring the social system // *Ibid*. P. 32–41. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2016.03.170>.
6. Lenartowicz M., Weinbaum D., Braathen P. The individuation of Social Systems : A Cognitive Framework // *Procedia Computer Science*. 2016. Vol. 88. P. 15–20. <https://doi.org/10.1016/j.procs.2016.07.400>.
7. Nikitina Y. Specificity of social systems development prognosis in conditions of transition to knowledge society // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2015. Vol. 166. P. 434–440. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.12.549>.

8. Karoui M., Duzert A., Leidner D. Strategies and symbolism in the adoption of organizational social networking systems // *The Journal of Strategic Information Systems*. 2015. Vol. 24, is. 1. P. 15–32. <https://doi.org/10.1016/j.jsis.2014.11.003>.
9. Lo Iacono S. Does community social embeddedness promote generalized trust? An experimental test of the spillover effect // *Social Science Research*. 2018. Vol. 73. P. 126–145. <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2018.03.001>.
10. Jezierska K., Polanska D. Social Movements Seen as Radical Political Actors: The Case of the Polish Tenants' Movement // *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. 2017. Vol. 27. P. 1–24. <https://doi.org/10.1007/s11266-017-9917-2>.
11. Soliman A., Bellaj T., Khelifa M. An integrative psychological model for radicalism: Evidence from structural equation modeling // *Personality and Individual Differences*. 2016. Vol. 95. P. 127–133. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.02.039>.
12. Winter Ch., Hasan U. The Balanced Nation: Islam and the Challenges of Extremism, Fundamentalism, Islamism and Jihadism // *Philosophia*. 2016. Vol. 44, is. 3. P. 667–688. <https://doi.org/10.1007/s11406-015-9634-2>.
13. Cohen R. *The Evolution of Extremism*. New York, 2013.
14. Leeuwen N. Religious credence is not factual belief // *Cognition*. 2014. Vol. 133, is. 3. P. 698–715. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2014.08.015>.
15. Prus R. Terrorism, tyranny, and religious extremism as collective activity: Beyond the deviant, psychological, and power mystiques // *The American Sociologist*. 2005. Vol. 36, is. 1. P. 47–74. <https://doi.org/10.1007/s12108-005-1009-x>.
16. Agnati L. The mis-exaptation of the prediction capability of humans and emergence of intolerant religious beliefs / L. Agnati, M. Marcoli, U. Agnati, L. Ferraro, D. Guidolin, G. Maura // *Neurology, Psychiatry and Brain Research*. 2017. Vol. 23. P. 43–53. <https://doi.org/10.1016/j.npbr.2016.12.002>.
17. Slegers W., Proulx T., Beest I. Extremism reduces conflict arousal and increases values affirmation in response to meaning violations // *Biological Psychology*. 2015. Vol. 108. P. 126–131. <https://doi.org/10.1016/j.biopsycho.2015.03.012>.
18. Решение Верховного Суда России от 20 апреля 2017 г. № АКПИ17-238 о ликвидации религиозной организации «Управленческий центр Свидетелей Иеговы в России» и входящих в ее структуру местных религиозных организаций [Электронный ресурс] // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: <http://legalacts.ru/sud/reshenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-20042017-n-akpi17-238/> (дата обращения: 20.07.2018).
19. Решение Верховного Суда Российской Федерации от 29.12.2014 № АКПИ 14-1424 С – признать международные организации «Исламское государство» ... террористическими и запретить их деятельность на территории Российской Федерации [Электронный ресурс] // Национальный антитеррористический комитет. URL: <http://nac.gov.ru/zakonodatelstvo/sudebnye-resheniya/resheniya-verhovnogo-suda-rf-t-29-dekabrya.html> (дата обращения: 20.07.2018).
20. Малиновский Б. Научная теория культуры. М., 2005.

References:

- Agnati, L, Marcoli, M, Agnati, U, Ferraro, L, Guidolin, D & Maura, G 2017, 'The Mis-Exaptation of the Prediction Capability of Humans and Emergence of Intolerant Religious Beliefs', *Neurology, Psychiatry and Brain Research*, vol. 23, pp. 43–53. <https://doi.org/10.1016/j.npbr.2016.12.002>.
- Cohen, R 2013, *The Evolution of Extremism*, New York.
- Jezierska, K & Polanska, D 2017, 'Social Movements Seen as Radical Political Actors: The Case of the Polish Tenants' Movement', *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, vol. 27, pp. 1–24. <https://doi.org/10.1007/s11266-017-9917-2>.
- Karoui, M, Duzert, A & Leidner, D 2015, 'Strategies and Symbolism in the Adoption of Organizational Social Networking Systems', *The Journal of Strategic Information Systems*, vol. 24, iss. 1, pp. 15–32. <https://doi.org/10.1016/j.jsis.2014.11.003>.
- Leeuwen, N 2014, 'Religious Credence is not Factual Belief', *Cognition*, vol. 133, iss. 3, pp. 698–715. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2014.08.015>.
- Lenartowicz, M, Weinbaum, D & Braathen, P 2016, 'The Individuation of Social Systems: A Cognitive Framework', *Procedia Computer Science*, vol. 88, pp. 15–20. <https://doi.org/10.1016/j.procs.2016.07.400>.
- Lo Iacono, S 2018, 'Does Community Social Embeddedness Promote Generalized Trust? An Experimental Test of the Spillover Effect', *Social Science Research*, vol. 73, pp. 126–145. <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2018.03.001>.
- Malinovsky, B 2005, *Scientific Theory of Culture*, Moscow, (in Russian).
- Missimer, M, Robèrt, K & Broman, G 2017a, 'A Strategic Approach to Social Sustainability – Part 1: Exploring the Social System', *Journal of Cleaner Production*, vol. 140, Part 1, pp. 32–41. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2016.03.170>.
- Missimer, M, Robèrt, K & Broman, G 2017b, 'A Strategic Approach to Social Sustainability – Part 2: a Principle-Based Definition', *Journal of Cleaner Production*, vol. 140, Part 1, pp. 42–52. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2016.04.059>.
- Nikitina, Y 2015, 'Specificity of Social Systems Development Prognosis in Conditions of Transition to Knowledge Society', *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, vol. 166, pp. 434–440. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.12.549>.
- Parsons, T 2002a, *The Social System*, Moscow, (in Russian).
- Parsons, T 2002b, *The Structure of Social Action*, Moscow, (in Russian).
- Prus, R 2005, 'Terrorism, Tyranny, and Religious Extremism as Collective Activity: Beyond the Deviant, Psychological, and Power Mystiques', *The American Sociologist*, vol. 36, iss. 1, pp. 47–74. <https://doi.org/10.1007/s12108-005-1009-x>.
- Slegers, W, Proulx, T & Beest, I 2015, 'Extremism Reduces Conflict Arousal and Increases Values Affirmation in Response to Meaning Violations', *Biological Psychology*, vol. 108, pp. 126–131. <https://doi.org/10.1016/j.biopsycho.2015.03.012>.
- Soliman, A, Bellaj, T & Khelifa, M 2016, 'An Integrative Psychological Model for Radicalism: Evidence from Structural Equation Modeling', *Personality and Individual Differences*, vol. 95, pp. 127–133. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.02.039>.
- Winter, Ch & Hasan, U 2016, 'The Balanced Nation: Islam and the Challenges of Extremism, Fundamentalism, Islamism and Jihadism', *Philosophia*, vol. 44, iss. 3, pp. 667–688. <https://doi.org/10.1007/s11406-015-9634-2>.